

АКАДЕМИЯ ГРЕХА

Защитник-Зверь

Сильная Близость

Ненависть — это просто любовь,
которая ещё не нашла выхода

Григорьев Александр

телохранитель #грубыйгерой #избалованнаягероиня #животнаялюбовь

Григорьев Степанович Защитник - Зверь: Сильная близость

<https://litres.ru/74267927>

Аннотация

В мире Академии наёмников я — дочь Магистра, пешка. Мой телохранитель Зверь — грубый убийца, ненавидящий меня. Покушение запирает нас в бункере. Его презрение и моя дерзость разжигают пожар. От ненависти до любви. И он станет моим.

Содержание

Глава 1. Клетка золотой птицы	4
Глава 2. Товар с родословной	11
Глава 3. Взгляд хищника	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глава 1. Клетка золотой птицы

Люстра сияла так, что слезились глаза. Тысячи хрустальных подвесок дробили свет на тысячи осколков, и эти осколки падали на плечи гостей, на их драгоценности, на их фальшивые улыбки. Я стояла в центре бального зала, в платье цвета слоновой кости, которое отец выбрал сам — с открытыми плечами, с корсетом, сжимающим рёбра до хруста. Туфли на шпильках впивались в ступни, но я не морщилась. Не здесь. Не перед ними.

— Кира, улыбайся, — прошептала мать, наклоняясь к уху. Её духи пахли гарденией и лицемерием. — На тебя смотрят.

Я улыбнулась. Растянула губы в той самой светской улыбке, которой меня учили с детства. Нижний ряд зубов чуть прикусывает верхнюю губу, глаза чуть прищурены — ни вызова, ни покорности. Просто пустота.

Зал гудел. Семьдесят гостей, может, восемьдесят — старейшины Синдиката, их жёны, любовницы, приживалы. Все пришли посмотреть на помолвку дочери Магистра Белова. На то, как продают дорогой товар.

— Он уже здесь, — сказала мать, кивая в сторону входа. Жених. Аркадий Соболев. Сорок пять лет, три развода, слухи о связях с заговорщиками и дурная репутация. Но у него есть деньги и влияние. А отцу нужно и то, и другое.

Он шёл ко мне, улыбаясь масляной улыбкой. Я чувствовала

ла, как внутренности скручиваются в узел. Платье вдруг стало тесным. Воздух — слишком сладким, слишком душным.

— Кира, как вы очаровательны, — произнёс Аркадий, беря мою руку. Его ладонь была липкой, горячей, и я с трудом подавила желание вытереть пальцы о юбку. — Вы — настоящее произведение искусства.

— А вы — коллекционер? — спросила я, глядя ему в глаза.

Он не понял иронии. Или сделал вид.

— Я — ценитель.

Он поцеловал мои пальцы, задержавшись губами на костяшках дольше, чем следовало. Я улыбнулась той же пустой улыбкой.

Мать одобрительно кивнула. Отец — он стоял у стены, переговариваясь с каким-то седым мужчиной в дорогом костюме — бросил быстрый взгляд и отвернулся. Ему было достаточно, что я не убежала и не вцепилась ногтями в лицо жениха.

Аркадий что-то говорил о контрактах, о приданом, о будущем доме. Я кивала, не слушая. Внутри нарастал холод — такой знакомый, такой привычный. Я научилась замораживать себя в таких моментах ещё в детстве. Отключать эмоции, превращаться в фарфоровую куклу с дорогой этикеткой.

И тогда я поймала его взгляд.

Зверь.

Он стоял у колонны, скрестив руки на груди. Чёрный костюм — не такой дорогой, как у гостей, но сидел на нём так, будто был второй кожей. Лицо — грубое, скуластое, со шрамом над левой бровью и тяжёлой челюстью. Глаза — серые, почти прозрачные, как лёд на зимней реке.

Он не скрывал презрения.

Оно было в каждой линии его тела — в том, как он смотрел на меня сверху вниз, как кривил губы, как сжимал кулаки. *Ещё одна продажная сучка*, читала я в его взгляде. *Ещё одна пустышка в дорогой упаковке*.

Мне захотелось подойти и ударить его. Не словом — рукой. Чтобы он перестал смотреть на меня как на вещь.

Я не подошла. Я улыбнулась жениху и сделала вид, что не заметила.

— Кира, — позвал отец, подходя к нам. — Познакомься с нашим новым телохранителем. Роман Громов. Зверь, как вы, наверное, слышали.

Зверь отлепился от колонны и подошёл. Медленно, как хищник, который не торопится, потому что знает — добыча никуда не денется.

— Роман, — сказал отец, — это Кира. Ты будешь отвечать за её безопасность. Днём и ночью. Если с ней что-то случится — ты ответишь.

— Понял, — голос Зверя был низким, с хрипотцой. Он даже не взглянул на отца — смотрел только на меня. И в его глазах не было уважения. Ни капли.

— Она не должна выходить на улицу без сопровождения. Не должна разговаривать с незнакомцами. И если она будет капризничать — докладывать мне.

— Буду докладывать, — кивнул Зверь, но в его тоне было столько иронии, что отец, кажется, не заметил.

Я смотрела на него, сжимая бокал с шампанским. Пальцы дрожали — не от страха. От ярости.

— Вы, кажется, не в восторге от своего нового назначения, — произнесла я тихо, чтобы слышал только он.

— А вы, кажется, не в восторге от своей новой жизни, — ответил он.

Я замерла. Никто не говорил мне такого. Никто не смотрел на меня и не видел правду.

— Откуда вам знать?

— По глазам. У людей, которые смирились, они мёртвые. У вас — живые. Но ненадолго. — Он чуть наклонился, и я почувствовала его запах — кожа, порох, и под этим холодный металл. — Здесь всё убивает. Даже надежду.

Он выпрямился и отошёл к стене, снова став тенью.

Я осталась стоять с бокалом в руке, чувствуя, как внутри что-то переворачивается. Не страх. Не ненависть. Что-то другое — острое, горячее, незнакомое.

Он видел меня. Насквозь.

Аркадий что-то говорил о свадебном путешествии. Я кивала. Улыбалась. И думала о том, что этот грубый наёмник со шрамами разглядел то, что не замечали даже мои родите-

ли. То, что я ещё не сдалась.

Вечер тянулся бесконечно. Я обошла всех, кому нужно было улыбнуться, выслушала тосты, из которых половина была о моём приданом, а половина — о том, как я удачно выхожу замуж. Удачно. Для кого?

К полуночи гости начали разъезжаться. Мать ушла переодеваться, отец допивал виски в кабинете. Я осталась одна в бальном зале, если не считать Зверя, который стоял у входа, как статуя.

— Вы можете идти, — сказала я, снимая туфли и становясь босиком на холодный мрамор. — Меня охранять не нужно. Здесь никого нет.

— Я на работе, — ответил он, не двигаясь.

— Я сказала — идите.

— А я сказал — нет.

Я подошла к нему. Близко. Настолько близко, что почувствовала тепло его тела.

— Вы меня не знаете, — произнесла я, глядя в его серые глаза. — И не имеете права указывать мне.

— Я имею право делать свою работу. А работа — следить, чтобы вы не наделали глупостей.

— Глупостей? — я усмехнулась. — Каких, например?

— Например, не сбежали через окно. Или не выбросились с балкона.

Я замерла.

— Думаете, я на это способна?

— Думаю, вы способны на многое. — Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах, потом вернулся к глазам. — Поэтому я здесь.

Мы стояли так секунду. Две. Три. Я слышала его дыхание — ровное, спокойное. Моё — сбитое, частое.

— Спокойной ночи, телохранитель, — сказала я и развернулась.

— Спокойной ночи, невеста, — ответил он.

Я пошла к выходу, чувствуя его взгляд на своей спине. Жёсткий, раздевающий, собственнический — и при этом абсолютно равнодушный. Я для него — работа. Товар, который нужно доставить целым.

Но когда я уже взялась за дверную ручку, он сказал:

— Кира.

Я остановилась, не оборачиваясь.

— Не делайте ничего глупого сегодня. Завтра будет новый день. А новые дни иногда приносят сюрпризы.

— Какие, например? — спросила я.

— Например, смерть. Или свобода.

Он сказал это так спокойно, будто говорил о погоде. Я вышла в коридор, не ответив.

В своей комнате я сняла платье, смыла макияж, посмотрела в зеркало. Оттуда смотрела девушка с пустыми глазами и золотой клеткой на плечах.

Клетка золотой птицы, — подумала я. — Красивая, дорогая, но всё равно клетка.

Я легла в кровать, но не спала. Смотрела в потолок и думала о нём. О наёмнике со шрамами, который назвал меня не пустышкой, а живой. Который увидел во мне то, что не видел никто.

За стеной — тишина. Но я знала — он там. Стоит у двери, слушает, охраняет. Завтра утром я снова увижу его ледяные глаза. И снова почувствую, как внутри закипает что-то, чему я не даю названия.

Клетка, — повторила я. — Но, может быть, ключ от неё уже рядом.

Я закрыла глаза.

Завтра будет новый день.

Новые дни иногда приносят сюрпризы.

Глава 2. Товар с родословной

Свет люстр дробился на тысячи осколков, и каждый норовил порезать незащищённую кожу.

Я стояла в центре бального зала, затянутая в шёлк и ненависть. Платье — цвет слоновой кости, как того требовал этикет помолвочного приёма. Жемчуг на шее — холодный, скользкий, как взгляд отца, когда он поправлял мои волосы перед выходом.

«Не опозорь фамилию, Кира. Это всего лишь сделка».

Всего лишь сделка. Я сжимаю бокал с шампанским так, что ножка впивается в ладонь. Хорошо. Пусть будет боль. Она хотя бы честная.

Рядом — жених. Пятьдесят с хвостиком, живот нависает над поясом брюк, пальцы унизаны перстнями, которые он носит, чтобы казаться моложе. Или богаче. Или значимее. Он улыбается гостям, и в этой улыбке — приторный сироп собственничества. Его ладонь лежит на моей пояснице, на сантиметр ниже, чем позволительно.

Я делаю глоток. Шампанское горчит. Или это мои мысли так отравляют вкус?

— Кира, дорогая, — жених наклоняется к уху, и его дыхание пахнет дорогим виски и гнильцой изнутри. — Улыбайся. Твоё лицо сейчас стоит дороже, чем всё, что ты наденешь завтра.

Улыбаюсь. Оскал такой широкий, что скулы сводит. Он принимает это за счастье. Отец, наблюдающий из-за плеча жениха, довольно кивает.

Стая акул. Я права была. Они кружат вокруг, сверкая улыбками-зубами. Женщины в бриллиантах, которые точат друг другу шеи взглядами. Мужчины с цепкими пальцами — они тут же торгуются за контракты, пока их жёны торгуются за статус. А между ними — я. Выставленный лот. Лучший в этой чёртовой галерее, потому что у меня есть титул, девственность (ой, простите, «чистота рода») и правильная форма черепа, чтобы родить наследника.

В горле встаёт ком.

— Твоя мать гордилась бы тобой, — отец подходит ближе, целует меня в щёку — сухими губами, без тепла. Шепчет так, чтобы слышала только я: — Ещё один вечер. Завтра подпишем контракт, и ты свободна.

Свободна. Смешное слово. Он вкладывает в него смысл: «свободна от ответственности перед семьёй, потому что перейдёшь в собственность другому клану». Я не поправляю. Бесполезно.

Взгляд скользит по залу, цепляется за стены, за колонны, за тени. И там, у выхода, я натыкаюсь на него.

Зверь.

Стоит, прислонившись к косяку, сложив руки на груди. В чёрном костюме, который сидит так, будто сшит на него — плечи широкие, талия узкая, ткань натягивается на бицеп-

сах, когда он скрещивает руки. Уверен, под пиджаком кобура. И нож, наверное, тоже есть. Потому что он из тех, кто не расстаётся со сталью.

Он смотрит на меня.

Не так, как другие. Не как на товар. Не как на пустышку, хотя сам так и назвал при первой встрече. В его глазах — презрение. Холодное, тяжёлое, как свинец. И что-то ещё, чего я не могу прочитать. Может, усталость. Может, злость на то, что его поставили охранять «золотую девчонку», вместо того чтобы делать настоящую работу.

Я отворачиваюсь первой.

Не потому что боюсь. А потому что этот взгляд царапает по нервам, сдирает тонкий слой спокойствия, который я натянула на лицо перед выходом. Если я встречу с ним глазами ещё раз — сорвусь. Ударю по лицу жениха бокалом. Или отца. Или его, Зверя, который смотрит так, будто я — ошибка в его идеально выверенном мире.

— Дорогой, — жених обращается к отцу, и я снова внутри разговора, которого не выбирала, — через месяц свадьба. Я хочу, чтобы всё было по высшему разряду. Мои партнёры из Швейцарии прилетят...

Слова текут, как патока. Густая, приторная, удушающая. Отец кивает, жених жестикулирует, гости вокруг кланяются, улыбаются, поддакивают. А я просто стою. Игрушка на полке. Кукла с фарфоровым лицом, которое треснет, если кто-то надавит чуть сильнее.

Где-то внутри — там, глубоко, куда не достают эти люстры, эти речи, эти чужие руки на моей талии — живёт девочка, которая хотела учиться стрелять. Не танцевать вальс, а держать винтовку. Не принимать комплименты, а вычислять угол для выстрела. Отец смеялся, когда я просила тренировки. «Зачем? Для тебя есть наёмники. Твоя задача — родить наследника».

Вот и родила. Только не наследника, а ком в горле, который я проглатываю вместе с шампанским.

— Кира, ты слушаешь? — жених поворачивается ко мне, и в его глазах — тень раздражения. Он не привык, чтобы его игнорировали. Особенно женщины, которые должны быть благодарны за его внимание.

— Конечно, — я улыбаюсь. Та же улыбка, что и всегда. — Я в полном восторге.

Он верит. Или ему плевать. Разница минимальна.

Взгляд снова скользит к выходу. Зверь всё там же. Но теперь он не просто смотрит. Он рассматривает. Медленно, хозяйски, как будто изучает цель перед ударом. Его глаза — тёмные, почти чёрные — движутся по моему лицу, по шее, по ключицам, которые открывает вырез платья.

Мне становится жарко.

Не от внимания — от гнева. Кто он такой, чтобы оценивать меня? Наёмник. Пешка. Человек, которого наняли охранять, а не судить.

Я вздёргиваю подбородок. Пусть смотрит. Пусть видит,

что меня не сломать ни его презрением, ни жениховыми руками, ни этим залом, который пахнет деньгами и ложью.

Но внутри — внутри всё дрожит. Потому что в его взгляде я впервые за этот вечер чувствую себя не товаром. Жертвой. А жертва — это не лучше.

Наверное.

Отец отводит меня в сторону, когда танец заканчивается. Шепчет на ухо, сжимая локоть — не больно, но ощутимо:

— Ещё одно такое лицо, и я сам запру тебя в башне до свадьбы. Ты меня поняла?

— Поняла, — киваю. Голос ровный, как струна.

— Ты не представляешь, сколько стоит этот союз. Если ты его сорвёшь...

— Я ничего не сорву. — Я поднимаю глаза на отца. Смотрю прямо. В его — сталь и усталость. Он правда верит, что делает для меня лучше. И это самое страшное. — Я сделаю, что должна.

Он отпускает локоть. Отходит. Снова улыбается гостям, будто только что обсуждал с дочерью погоду.

А я остаюсь.

Одна среди акул.

Игнорирую жениха, который подзывает меня жестом — как собачонку. Игнорирую шёпот за спиной («Бедняжка, посмотрите, какая бледная» — «Зато партия хорошая, мать бы её порадовалась»). Иду к выходу. Медленно, чтобы никто не подумал, что я сбегаяю. Просто дышу. Глоток воздуха в этом

склепе.

Зверь перекрывает проход. Широкий, как стена. Не двигается, когда я приближаюсь.

— Пропусти, — говорю тихо, чтобы никто не услышал.

Он молчит. Смотрит сверху вниз. Я чувствую его запах — кожа, порох, мужской резкий пот. Он не пахнет одеколоном, как жених. Не пахнет фальшью.

— Я сказала, пропусти.

— Тебе нельзя выходить, — голос низкий, рваный. Будто он не говорит, а рычит. — Твоя зона — зал.

— Моя зона — там, где я хочу.

— Не сегодня.

Мы стоим так близко, что я вижу отражение люстр в его зрачках. Слышу, как бьётся сердце — или моё, или его, не разобрать. Он не отводит взгляд. Я не отвожу.

Внутри что-то щёлкает. Пружина, которую сжимали весь вечер, распрямляется.

— Ты всего лишь наёмник, — цежу сквозь зубы. — Моя охраняемая собственность, а не тюремщик.

— Собственность? — его губы кривятся в усмешке. Жесточкой, быстрой, как удар. — Посмотри вокруг, принцесса. Ты даже себе не принадлежишь.

Слово «принцесса» звучит как пощёчина. Он не уважает меня. Он презирает. Но в этом презрении — правда, от которой тошнит.

Я разворачиваюсь. Иду обратно в зал. Спиной чувствую

его взгляд — тяжёлый, прожигающий шёлк платья, оставляющий следы на коже.

Жених подхватывает меня под руку.

— Дорогая, ты вся дрожишь. Замёрзла?

— Немного, — улыбаюсь. — Просто нервы.

Он смеётся. Целует в висок — влажными губами. Отец одобрительно кивает.

А я считаю минуты до конца вечера. До момента, когда смогу содрать с себя это платье, смыть с лица улыбку и остаться наедине с мыслью, которая стучит в висках: *ты даже себе не принадлежишь*.

Глава 3. Взгляд хищника

Кулаки сжимаются сами. Без команды. Без мысли.

Я с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.